

+ -

ЗАЗЕРКАЛЬЕ

У каждого из нас есть зазеркалье.
И в нём живут забытые сюжеты
Событий прошлых призрачно-реальных,
Но навязавших нам свои советы.

Так неназойливо. Так исподволь. Но жёстко.
Они завёрнуты, как в фантик та конфета,
В решенья наши... Пёстрая обёртка
Блестит уверенностью знания ответа.

И эти блики в зеркалах мерцают.
И наши лики есть суть отраженья.
А зазеркалья тени обживают.
Те, что продолжают вечное сражение.

Ведь в зазеркальях вырастают те
Химеры страшные, что нами назовутся.
Что нас ведут по жизни в темноте.
И не дают нам к солнцу прикоснуться.

Впустить приятья и сомненья свет.
Учиться видеть, слышать и внимать.
И размышлять о бренности сует.
Узнать себя и всё, как есть, принять.

Я плыву невесомым «нечто».
Я взрываюсь в себе незримо.
Только копоть огарком свечным
Наношу на зеркальность грима.

Эта копоть – контраст событий,
Что гримёр скрыть хотел от глаза,
Чтоб не сделать вовек открытий.
Уберечь, чтоб от хмеля сглаза.

Сглаза глаз напоенных светом.
Сглаза глаз осветивших дали.
Чтоб не мучить себя ответом
На вопрос – что мечты, что реали?

Не хочу больше быть этим «нечто».
Лучше я расплывусь огнями.
Тенью светлой, скорбящей, вечной
Над любовью взмахну крылами.

Но себя обрету по новой.
Назовусь тем, чем стану точно –
Отраженьем зари багровой
В беспросветной тоскливой ночи.

Жить!

Птицей над миром кружить.
Птицей взлететь к облакам.
К солнцу стремиться. Не ныть!
Жить! Жить! Жить!

Знать!

Всё то, что можно познать.
Познано? Понято? Мало!
Мало познать и понять. Принять!
Знать! Знать! Знать!

Петь!

Облаком лёгким лететь.
Тучи рассеять к чертям.
Дождём им пролиться велеть. Сметь!
Петь! Петь! Петь!

Быть!

Надеждой себя окрылить.
Мечтами украсить пути.
Пути, чтоб к рассвету идти. Спешить!
Быть! Быть! Быть!

Сквозь кисею заиндевелой рощи
Взбегает солнце в глубину небес.
Но блеклость их, едва ль, засинить проще,
Чем в зелени одеть уснувший лес.

Мороз декабрьский развалился в небе,
Дымами вьётся, облаком мерцает.
Как ни старайся солнце, как ни бейся,
Ни снег, ни иней не бегут, не тают.

Лишь ветер может иней в снег обрушить,
За облаком погнаться ошалело.
Но сини плен и ветру не разрушить,
Пока весна не примется за дело.

А март далёко. Путь его не близок.
Он где-то в южных бродит параллелях.
У нас же солнца путь всё боле низок.
И мы грустим о звонких птичьих трелях.

Мечты мечтами, а зима «в законе».
Давай же будем мы лояльны к ней.
Сейчас она в сверкающей короне,
Но всё ж не вечна в беге стылых дней.

Залетела сказка в былль.
В сейминутность вечность пала.
Серебрится снежья пыль.
Невесомость лес сковала.

В иней тени нарядились,
В лунном свете извалялись.
Звёзды вдруг с небес спустились,
В хороводе разбежались.

Кружат плавно меж берёз.
С месяцем играют в прятки.
Под мотивы снежных грёз
Вдаль несутся без оглядки.

Ночь морозом индевеет
На ресницах роци спящей.
Грусть безмолвием завееет.
Лунный луч метнёт звенящий.

Жизнь уснула... Вечность грезит,
Сны мешает с явью снежной.
Я плыву в звенящей взвеси
Призрачной, туманной, грешной.

Огни ночные... Шансонье охрип.
Слова простые. Струн гитарных скрип.
Я его не слушал. Взглядом путь торил.
И одну лишь фразу, молча, всё твердил.

Повторял беззвучно эту нитку слов,
И признал «жемчужным» свой ночной улов.
А слова простые, и порядок их,
В общем-то, неважен. Смысл – это стих.

«Чем сожалеть, раскаиваться лучше!»
Кричи или шепчи. Звончее или глуше.
Раскаиваться иногда приходится, ну что ж!
Не ошибается, увы, лишь в зимней спячке ёж.

Но ведь раскаянье приходит за свои дела.
Приходит за решенья. За них тебе хвала!
За то, что смелость взял решить.
И, что бы ни было, свершить!

Что по-пустому сожалеть?
Раскаиваться, но хотеть!
Свои сомнения решать.
Короче, жить! А не страдать.

Собаки год вильнул хвостом игриво.
Но, тут же, вдруг оскалился, рыча.
Он завернул в мороз лесную гриву.
Тепло, с испуга, дало стрекача.

Заиндевели брови и ресницы
Берёз и сосен в парках и лесах.
Белым белы лесных полян страницы,
И по ночам по ним гуляет страх.

Хрустит в безмолвьи, разгоняя дрёмы.
Тенями красит белый лунный свет.
А утром, пятясь, прячется в хоромы.
Те, что построил детских сказок Дед.

Там отсидевшись, словно волк понурый,
Рысцой в потёмки стылые бежит.
И вновь хрустит. И теням, словно курам,
Свернуть головки подлый норовит.

Луна безмолвно паялилась с небес
На тень мою, что в такт со мной шагала;
Дорогу, что в бескрайность убегала;
На промороженный, безмолвный, спящий лес.

Мороз сквозил сквозь призрачную вязь
Заиндевелых, призрачных деревьев.
Луна сияла, стыд и страх призрев.
Сучила луч... Плела гармоний связь.

Луна цвела. Катилась вглубь небес.
Она была бесспорно идеальна!
А идеальность не всегда реальна.
Она лишь призрак. Правит ею Бес.

Он в полнолуние скользит лучом безмолвным
По нашим судьбам, роясь в душах нас.
И тащит в явь все тайны без прикрас,
Что в нас таились...

Чтоб портрет был полным.
Чтоб нас познали те, кто знает нас.
Чтоб сами мы в себе себя познали.
И о себе то странное узнали,
Что вдруг взорвётся в этот лунный час.

О, полнолунный, зимний, спящий лес!
Прими меня за тень мечты летящей.
Я стану стоном тишины звенящей.
Укрой меня от света, что есть Бес.

Нас полнолунием нынче запугали.
С экранов вой подлунный льёт рекой.
Горят глаза, клыки острее стали,
Когтеют пальцы и хребты дугой.

А по дорогам мёртвые, восставши,
Бредут на зов невинных сладких душ.
И рвут тела. А смерть в мученьях краше.
И в ваннах хлещет сплошь кровавый душ.

Ах, красота! Ах, страшно! Дух сковало...
И в это, молча, смотрится Луна.
Но вот она мигнула и пропала...
И понял я – она сейчас пьяна.

Ужели можно вынести такое.
Не только вынести, а ведь, и породить.
Ещё немного и Луна в запое.
Пора её от страхов оградить.

Она ночное мирное светило.
Она волшебный сказочный фонарь.
Луна – печали и мечты мерило.
А не сводящая с ума прохожих тварь.

Я в мире – мир.

В ночи своей – маяк.

В рассвете сером – сам себе звезда.

Я пригласил себя на этот пир

И к чёрту «нет»! Я утверждаю «да»!

Я здесь, сейчас.

И мне не страшен мрак.

Всё то, что было поросло былъём.

Я знаю то, что будет через час.

За это выпьем и ещё нальём.

А хмель – не мель.

Он, просто, сердца вздох,

Отдохновение от брэнной суеты.

Зимой звучит весенняя капель.

В метельных струях носятся цветы.

Но хмель, он – змей.

И надо меру знать.

Не то заснёшь при жизни вечным сном.

Печаль свою верёвочкой завей,

Но не залей свои пути вином.

Я в мире – мир.

И я в войне – война.

Сраженьё я веду с самим собой.

Кто победит? Кто нынче мой кумир?

Кто тот стратег, что выигрывает бой?

Белое безмолвие
кто-то в город капнул
из риторды вечности,
из пробирки сна.

В снежное безмолвие
город тихо канул
камнем утопляющим
достигая дна.

И безмолвны волны
разошлись кругами
идеальной формы,
разрушая свет.

В те безмолвны волны
звёзды с неба пали.
И Луны - Алёнушки
больше в небе нет.

Стылое безмолвие
в свете тусклых гранул
жёлтых звёзд фонарных –
снов заветных бред.

Сонное безмолвие
призрачно – коварно,
словно грибом атомным
затопляет свет.

Я плыву в прозрачности
стылого тумана.
Я в безмолвных муках
достигаю дна.
Погружаюсь в истину –
в омуты дурмана,
что в риторде вечности,
что в пробирке сна.

Странное безмолвье –
сказочно-ажурное.
На деревьях изморозь –
филигрань в ночи.
Светлое безмолвье...
Своды абажурные
Бахромаются инеем.
Снегом свет журчит.

Тишину зимы застывшей,
В иней кутанные дали
Вдруг ветра разворошили,
Диким вихрем возыграли.

Разметав туманы в клочья,
Донага кусты раздевши,
Притаились в стылой ночи,
Позабились в звёздны бреши.

Только стужа в танце лютом
Медленно кругами ходит.
Сторожа владенья, будто,
Взором, льдом грозящим, водит.

Стынет кровь, озноб крадётся.
Индевеет жизнь дыханьем.
Сердце, сковано, не бьётся,
Лишь трепещет ожиданьем.

Пронизан солнцем спящий лес.
Берёзы снежным мхом укрылись.
А выше, в синеве небес,
Дымы морозные сгустились.

Витают тени дивных снов,
Крылами снег с вершин сбивая.
Они не ведают оков.
Они ветров родня немая.

Безмолвен этот спящий лес.
Луч солнца сна не потревожит.
Из синевы седых небес
Струится вечность. Память гложет...

Воспоминанья о весне.
И шум дождя. И ветров звоны...
Но здесь в морозной тишине
Они родят лишь сердца стоны.

Душа томится в снежных снах.
Оковы холода незримы.
И рассыпаются во прах,
Мечты о лете, льдом гонимы.

О чём «великие», Вы плакали в стихах?
О чём страдали? В чём кляли судьбу?
И хохотали, растоптавши в прах,
Сомнения и страхи... И в гульбу
Вы окунались, чем туда гонимы?

«Великие», Вы словом велики.
Вы музыкой прославились стиха.
Того, что плод не глаза и руки.
Строкой, рождённой не в обход греха.
И ваши души грешны и ранимы.

«Они босы» - сказал один поэт.
И в этом их судьбой предназначенье.
А, коль грешить, то, затмевая свет,
Не придавая этому значенья.
И в этом Вы, как есть, неисправимы.

Но это делает Вас ближе и родней.
Не небожители, а просто люди Страсти.
Пусть на закате Ваших бранных дней
Вы каялись... Но, всё же это – счастье.
Сметь кровию своей кропить людей.

Пути поэта исповедимы.
Теперь я знаю, недостоин Вас.
Всё пресно, скучно, подло и суетно.
Мечты мечтами... Будни ж, без прикрас,
Увы, пусты. Потуги стать тщеты.

ЗОВ

Он так красив,
пружинен
и отважен.
Важен
собачьей чёрно-рыжей красотой.
Шагая рядом с тем,
кто просто рядом,
ошейником блестя,
он был собой.
Собачьей горд, отнюдь, не простотой.
Да, он охотник
кровью и повадкой.
А по тропе утоптанной и гладкой
шёл сам не свой.
Ведь лес влечёт отнюдь не пустотой...
Но шорохом пичуги
от испуга
взлетающей под выстрел.
И рекой,
чью гладь таранит селезень рябой.
Что тут поделаешь, увы! Он - житель городской.
Но крови зов,

настырней зовов всех
Пришла пора, пора любви утех.
И он ушёл
призревши вся, призревши
всех.

В метельный лес.
С бродячих сворой псов,
ушёл на зов,
кудлатой шавки зов.
Со сворой тощих, злых, бездомных псов.

И в этом они были все равны.
Неважно кем когда то рождены.
На продолжение себя осуждены.
Нужны.
И в этом одинаково важны.

Метель и бой.
Неравный, равный бой.

Домашний пёс, ты нежен и раним.
Но ты судьбой дать жизни жизнь гоним...

Мартовское утро вешнее-зимне-снежное,
В инее морозовом сине-ало-нежное.
От зимы огарочек ледяной сосулистый.
От весны подарочек – ясный день загулистый.

Истомившись за зиму, воробьи крикливые
Солнце будят сплетнями, неслухи болтливые.
Голуби ерошатся, в небо глазом щуря.
Важные, до одури, на окне дежурят.

И воркуют голуби о любви и лете,
О мечте весенней, о тепле и свете.
О листе зелёном нежном и пахучем.
Вечность, всё же - лето, а зима лишь случай.

Правда, неизбежный, правда, ежегодный,
Но для жизни вечной нам, увы, не годный.
Ведь весна и лето жизнь даруют миру,
Веру, ожидания... А, поэту - лиру.

МАСЛЕНИЦА

Как ясен день
Весенним солнцем полон.
Контрастна тень,
И звонок птичий гомон.

Зиме конец,
Измёрзшейся, усталой.
Весны гонец –
Сам Март в папахе алой.

Ажурен иней.
Изморозь хрустальна.
Зима в поклоне
Поясном, печальна.
Но солнца блин
На ясном небосклоне,
Зовёт плясать
А не стоять в поклоне.

Ведь не поминки,
Просто расставанье.
Хоть рядят, знаю,
Куклу на сжиганье.

Огнём займётся.
Польхнёт соломой.
Прости Зима.
Прощай до встречи новой.

Души бездушные бродят вокруг,
Руша столь хрупкий гармонии круг
Веры, надежды, любви и желаний,
Грубостью, пошлостью и невниманьем.
И нежеланьем понять и принять.
Кто им поможет гордыню унять?

Души, проснитесь! Отбросьте печали.
Вы не бездушные. Вы ими стали.
Вас обижали - ожесточались.
Вас не любили - вы вновь обижались.
Вам было страшно. Давила вина...
С прошлым проститесь! Налейте вина!

Полны бокалы, что солнцем искрятся.
Дайте зарюки с обидой не знаясь.
Станьте едины, стремленьем полны
В радость ворваться на гребне волны
Смеха, улыбок и светлой печали.
Прочь горизонты! Отверзните дали!

Нет нам пределов! Поверьте в себя!
Мы бесконечны, бессмертны, любя!

Прозрачна флейта, в шум ручья вливаясь,
Журча в прибрежных солнценосных струях,
И в хоре птичьем соло ввысь взвиваясь,
В кустах влюблённой птахою воркуя.

Она нежна, печальна и истомой
Меня влечёт в тенистый летний сад.
И незнакомкой много лет знакомой,
Мне дарит свой, зовущий в тайну взгляд.

Но с лёгким вздохом вдруг порхнёт куда-то,
Как тень незримая непознанных страстей,
И сгинет в сини низких туч лохматых,
Лишь поманив туманностью затей.

Ты стала мной, я стал тобой.
Исчезла тайна. Святы узы.
Нам предначертано судьбой
Стать гранями любви союза.

Но эти грани, как алмаз –
И крепче стали, и остры.
О них поранишься не раз.
И жгут порой любви костры.

Но не сожгут, а закалят.
Булатна радость единенья.
А то, что твой печалит взгляд,
Сгорит дотла в кострах прощенья.

Усталых глаз немой пронзил укор.
Любимых глаз печальная усмешка.
В них боль и грусть, и вечный с жизнью спор –
Что она есть, признание иль насмешка?

Как вникнуть в смысл непознанных вещей?
Как отрешиться от своих сомнений?
Гнать горечь неизбежности вашей,
А верить лишь себе, чужих не слыша мнений?

Предать иль нет огласке и молве
Всё то, что рвёт, терзает ум и сердце?
Как жизнь пройти? Иголкой по канве?
Иль яркой вспышкой, сонмом звонких герцев?

Тревожит что, усталая любовь?
Твой жертвенник горит, не угасая.
Твой путь, как млечный. Твои звёзды - кровь.
Нет горизонтов. Нет границ. Нет края.

Взрывались, бились словно пульс,
Тревожных ритмов злые звуки.
Они зывали лечь на курс
В иные дали, прочь от скуки.

Они взвивали вихрем кровь
В сосудах сердца склеротичных.
И в зеркале, вздымая бровь,
Глаза сверкали неприлично.

Им не пристало так сверкать.
Пора их бельмами завесить.
Чтоб вольной воли не видать.
Чтоб сесть на печь и ноги свесить.

Кряхтеть, стонать, беззубо шамкать.
Греть бок, втирать пчелиный яд.
Юродствую конечно... Слякоть
Несёт весна, но я ей рад.

А ритмы бились и взрывались.
И бровь вздымалась блеском глаз.
И полон бак. И манят дали.
И грех не жать до пола газ.

Журчит ручей в моём магнитофоне –
Покой и нега солнечного дня.
Льды Эвереста рядом – на балконе.
Герои прошлого экранные – родня.

Самообман – себя успокоенье.
Самообман – картинки дивных снов.
Самообман – лишь запах от варенья.
Самообман – как страусинный кров.

Забиться глубже в душную перину
И мнить себя посланником ветров.
И гордо вздёрнув нос, согнуть в поклоне спину.
И сжечь себя, за неимением дров.

Век человеческий немислимо короток,
Суетен... Но немислим без любви.
А взгляд её всегда печально кроток.
Она цветок, возросший на крови.

Как роза алая трепещет под ветрами
Невзгод житейских, мелочных обид,
Измен, обмана... Не желая, сами
Мы рушим сад любви Семирамид.

Ну почему у этой нежной розы
Так тонок стебель? Где её шипы?
Не росы пали, а печали слёзы.
В обид туманах не сыскать тропы.

И пусть твой век немислимо короток,
Отдай его служению любви.
Пусть варвар ты, но будь с любовью кроток,
Не утопи в обид и слёз крови.

Саксофон. Саксофонист –
Невелик и неплечист.
Из металла вяжет вязь –
Нас нетленных с небом связь.

Нить тонка, стремится ввысь.
Кружевами петли вьёт.
Небо огненно, искрись!
Страсть фонтаном пенным бьёт.

Лунным светом вздох охвачен.
Затаил дыханье блик.
Рябью солнечной захвачен
В плен сверкающий родник.

Разлетелся мотыльками
Нотный бисер в мраке сочном.
Вдаль унёсся светляками
Призрак светлой лунной ночи.

Миражи, теней кружение –
Саксофонье наважденье.
Кружит тайны нотный лист.
Саксофон. Саксофонист.

Ожиданье вливается капля за каплей,
Преполняя терпения чашу мою.
Да, я мчусь на закат,
Но закат мне не страшен -
Я восходу весеннюю песню пою.

Череда неизвестностей там на восходе.
Из заката туда вьётся тонкая нить.
Пусть над бездной, но ввысь.
Пусть натянута звонко,
Ведь её мне не рвать – сбрую вечности вить.
Заарканить бездонность бескрайнего неба,
Нерождённость несбывшихся вечных надежд.
Вдаль умчаться кометой,
Стушком тайного света.
Не пресечься толпою всезнайных невежд.

Родная, я нашёл в тебе приют.
В твоей душе, в сиянии милых глаз.
Лишь ты одна – мой маленький алмаз
И бесконечный праздничный салют.

Пусть будни нас гоняют по пескам
Пустынь, спешащих в мир забвенья лет.
Докажем всем, что наш с тобой сюжет
Лишь нашему театру по зубам.

Театр двух артистов, не теней.
Живых, живущих, ждущих и зовущих,
По острию своей любви идущих.
Ведущих счёт созвездий, а не дней.

Объять ли необъятное пытаться,
Иль камнем пыльным, лёжа у дороги,
Себе своим препятствием назваться,
Что так, что эдак – не «авто», а «дроги».

Открытая и тряская телега,
Которую влечёт по жизни кляча
Масластая, худая... Не до бега.
В возничих – долг, нужда, а не удача.

Но, как же всё по жизни соразмерить?
Как оценить себя, да беспристрастно?
Как выбор свой на истинность проверить?
Увы, никак. Но хочется ужасно!

Тревожно что-то...

 Может что-то ждётся?

 Крадётся что-то,

 мраком свет гоня.

Надежда бьётся

 в разума оконце.

 Не разобьётся?

 Не замрёт звеня?

Печали вьются

 деловитым роем.

 Не разогнать...

 Ловить! Давить, кляня!

Не раствориться.

 В камень превратиться.

 Нет, не надгробный.

 В камень-дух меня!

Двулики мы. Двутельны. Двуетины.
Гермофрадитье в нас лежит начало.
Плоды его – не только руки, спины.
Но то, что в нас по жизни прозвучало.

Мать-прародительница нам дала любовь,
Бессмертность духа, красоту таланта.
Отец же в нас свою лелеет кровь.
Он наш хранитель с мощию Атланта.

Ранима наша творческая суть.
Обидчива. Ей хочется единства.
Порой гневлива, свой теряя путь.
Непониманье для неё, что свинство.

Она погрязла в горе и вине.
Она дрожит в тебе порой от страха.
И непризнание на бокала дне.
Смирительная ей грозит рубаха.

Отец, что царь, свою являет власть.
И боль душевную, он в «железа», в подвалы,
На ключ, на цепь... А вместе с нею страсть...
И божью искру в нас. Таланты под завалы.

И вот мы счастливы. Мы сыты и в тепле.
И скучных дней струится череда.
Отец, отец... Да, мы порой в седле.

Но на челе не светится звезда.

А ведь могла бы. Все мы звездоносны.
Почто нам серость сытой стылой жизни.
Верни нам страсть! Пойми, что зори росны.
Мы жить должны, а не стремиться к тризне.

И я проснулся... Ничего не стало.
Я в пустоте спустившейся из зала,
Где человеки проживают роль.
Где каждый шут и сам себе король.
И мнит себя вместилищем вселенной,
Душой торгуя вечной и нетленной.

И копошатся в суете желаний.
Желанья денег и чинов, и званий.
И, возжелав, себя ввергают в скверну
Из зависти и ревности... Каверну
Растят в себе, что их разъест сердца.
Забудут всё, заветы все Творца.

Уснуть скорей. Вернуться в отчий дом.
Забыть на ночь гоморру и содом.
Но коротки, увы, весною ночи.
Длинятся дни, а ночи всё короче.
Но хоть немного в снах побыть собой.
И снова в мир с суетной пустотой.

Утро весеннее осенью плачет.
Низкая, хмурая серость клубится.
Снег, тоже серый, слезою сочится.
Но ничего эта серость не значит!

Март на исходе и ясен итог.
Пусть серый дождь пеленает светило.
Грустью осеннюю пусть окатило.
Но, неизбежны и страсть, и восторг.

Света рожденье, и зелени царство.
Тёплых ветров на восходе круженье.
В водах небес синевы отраженье.
Всё неизбежно!

Бессильно коварство
Серости, грусти, холодных ветров.
Лишь на черёмуху снегом пройдутся,
И на сирени слезою прольются,
Будто оплакав потерянный кров.

И унесутся в бескрайние дали
Тундры заснеженной, северных льдов,
В белые ночи, в алмазный альков
Царственной Стужи, и сгинут в печали.

Покой. Покой. Созвучно сердце неге.
Слезой томится. Затаилось в беге.
Беззвучен бег. Биения не слышно.
Но, всё ж оно спешит, но, всё ж оно стремится.
Куда? Не знаю. Чтоб с мечтою слиться?

Чтоб разорвать невидимые путы,
Что к кольям буден вяжут лилипуты?
Чтоб вознестись к невидимым вершинам?
Заоблачным, скалистым, снежным кручам,
Где дух свободен и с мечтой обручен?

Я, сидя в кресле, переполнен ленью.
Не встать, не двинуться... Лишь восхищаюсь тенью.
Своею собственной, что вверх по стенам мчит.
На пару с сердцем рвёт на клочья путы,
Те самые, что вяжут лилипуты.

И тень моя – не тень, а Гулливер.
И я – не я... А день бездонно сер.

Апреля, уж, четвёртое, а небо снегом вьётся.
Сугробы высоки, и в око синь не бьётся.
Случилось, что с Весною, а, Зима?
Метельная за что нам кутерьма?

Истосковалось сердце по теплу.
И грусть стекает каплей по стеклу,
В туманной запотелости следя...
И след прозрачен, в мир иной глядя.

Там серебрятся в беге вешни воды.
Там солнце греет, и синеют своды
Бездонных и безоблачных небес.
А здесь снегами хороводит бес.

По рощице гуляет ранний Март.
Февраль ветрами веет масти карт -
Они ложатся в сказочный пасьянс,
Апрель весенний, в свой маня альянс.

А, может, напоили допьяна?
Апрель так молод, а любовь пьяна.
Простим его, он сын самой Весны.
Пусть спит пока, и тихо смотрит сны.

Сколько жизнь задаст вопросов мне?
Что ни день, то новая проблема.
И ответы не придут во сне.
Да иль нет – извечная дилемма.

А попытка спрятаться в кустах,
Отсидеться – вовсе никудышна.
Ком с горы. Сидишь, лелеешь страх.
Ждёшь ответа, но его не слышно.

Ведь твоя проблема – это ты.
Только ты её в себе рождаешь.
Строишь клеть для собственной мечты,
И в полёт её не отпускаешь.

Только ты – ответ на свой вопрос.
Только ты в себе и не иначе.
Жизни лакмус точно метит спрос.
А решить себя – твоя задача.

Пегас! Спустишь! Овей меня крылами!
Дозволь в твой глаз бездонный заглянуть,
Вздохнуть гриву и припасть губами
К могучей вые, той, что не согнуть
Ярму подённому и тяжкой бременной клади,
Что вьючит жизнь, увы, не видя крыл.
Хочу, чтоб ты, промчавшись водной гладью,
Копытом мощным путь мой окропил.

Пегас, умчи меня дорогой звёздной.
Дай шанс упасть в заоблачный рассвет,
Пройтись лучом босым по травам росным,
Задать вопрос и получить ответ.
Найти в толпе безмолвной и безликой,
Себя того, что тень и тяжкий вздох.
И стать одним, не Янусом двуликим –
Бессмертным смертным! Сделав света вдох,
Припасть к корням и разметаться в кронах.
Стать частью общего и всё вместить в себя.
Пегас, я мал, я наг... Погрязши в мелких спорах,
Бреду по жизни...

Но я жду тебя!

Затаилась в сердце радость.
Я достать её пытаюсь.
Разгребаю грусти гадость.
Ох, противно! Но, стараюсь.

Тонет радость, как в трясине,
В вязкой серости неверья.
«Щас, поймаю!» Вот, разиня –
Упустил момент доверья.

Вновь сомкнулись волны грусти.
Вновь неверье правит бал.
Но, надежда не допустит,
Чтоб я радость не достал.

Вновь нырну, схвачу за пятку,
Что есть силы, потяну...
Знаю – выиграю схватку.
Знаю – не пойду ко дну.

Радость здесь! Она со мною.
Пусть немножечко грустна.
Грусть с её лица отмою.
Всё, узнал! Она – Весна!

ШКОЛЬНЫЙ РОЯЛЬ

Рояль вздыхает в гулком, тёмном зале.
Огни погасли. Тени улеглись.
Всё спит в ночи. Один рояль в печали
О светлых днях, что роем унеслись.

Тех днях, когда его терзали пальцы
Неугомонной, дерзкой ребятни.
Они врывались в зал из душной зальцы
В угаре шума, гама, беготни.

Он рад всегда, рояль, ребячьей страсти.
Готов простить нелепости и вздор.
И только равнодушия ненастье
Его печалит. Ленъ туманит взор.

Ночь тает в утре. Солнцем лак искрится.
И близок час свиданья с детворой.
Рояль осанится. В прищуре смех слезится.
Он ждёт их, ждёт! И он за них горой.

Он воспитатель мудрый, справедливый.
Он верный друг, что в горе не предаст.
Он в грусти грусть, в веселье смех счастливый.
Всем по заслугам истинно воздаст.

Лестница–чудесница –
Судеб наших вязь.
Вверх по этой лестнице!
Ступишь мимо – грязь.

Вьётся, вьётся лестница
На любви столбах.
Вверх по этой лестнице!
Коль обратно - крах.

Лестница качается,
Стонет на ветрах.
Вверх по этой лестнице!
Вниз посмотришь – страх.

Нет перил на лестнице.
Только нить в руках.
Коль сорвёшься с лестницы,
Разлетишься в прах.

Верой и надеждою
Звёзды в небесах.
Пусть крута та лестница,
Пусть душа в рубцах.

Только этой лестницей
Мы к себе придём.
В бесконечьи лестницы
Вечность обретём.

А нынче май особенно осенний.
Весна глядит в разрыв небесных скал.
А что внизу? Увы! Не синь и зелень,
А серости и стылости оскал.

И майский день прикрылся снежной рябью.
Вуали снежной пала пелена.
Та, что наутро обернётся хлябью –
Весна своим поклонникам верна.

Пусть не случилась ранней, яркой, звонкой.
Пусть будет поздней – сорван бенефис.
Весна придёт в накидке солнца тонкой.
Прозрачностью, твой воплотив каприз.

Любовницей загадочной и нежной.
Женой заботливой и преданной тебе.
Вся в синеве небесности безбрежной.
Безбрежности признания судьбе.

Строка слезой стекает по стеклу
Капельной и туманной тишины,
Чертя свой след зигзагом вышины.
Туда душа стремится по теплу.
Как стая птиц, тех, что спешат домой,
Слова строки текут в огонь заката.
О, вышины звенящей, перебаты
Пусть бьётся вдребезги фонтан любви былой.

Лишь только память о чужом зимовье,
Порой ночью будет ждать ответ.
И жечь вопросом вечных «да» и «нет».
И наполнять слезу строки любовью.

СКОРОПОМОЩНАЯ

День. Ночь. Сутки прочь.
Кровь. Рвань. Дело - дрянь.
Смрад. Вой. Всюду гной.

Стон. Крик. Солнца блик
на стекле автомашины.
Красный крест. Сирены вскрик.
Солнца блик в луже. А ему всё хуже.
Он уже не дышит и тебя не слышит.

Рот в рот. Ноль на ноль.
Нет и боли. Съела боль.
И сознания нет. Свет!
Дайте свет! И вены нет.
Может подключичку? Света, как от спички.

Что ж, массаж! Вошли в раж.
Как на бирже акция – реанимация.
То растёт, то валится. Ты – банкрот и
пьяница.

Вздых. Хруст. Шприц пуст.
Пульса нет. Свет!
Зрачок широк. Ты – не бог.

Солнца блик. Сирены стон.
Гонит, гонит схватка вон.
Потуга не кончается... Спокойно, не отчаяться!
Врезается, врезается!

Головка родилась!
“Ну, кричи, кричи же всласть!”
“Тужиться! Тужиться!”
Алеет крови лужица

·
“Родилась, Красавица!
Что кричишь? Не нравится?”
Солнце бросилось в глаза.
“Щурься, щурься, Егоза!”

Лигатура - дура. Вяжется, не вяжется.
Плохо дело, кажется.
Солнца блик в луже.
Крови, крови луже!

Где послед?
Последа нет.
Тянем, потянем.
Врёшь! Кровить не станем.

Что, ручное? Бред. Бред!
Светофоров красный свет...
Крик сирены. Сердца стук.
“Ну же, Коля! Ну же, друг!”

“Жми на газ!” Замри КаМАЗ!
Пронесёт на этот раз?
Не закроются глаза?
“Ну, кричи же, Егоза!”

“Маму, мамочку зови!”
Ну, ещё минуты три.
“Стоп! Носилки! Бегом!”
Суетятся все кругом.

Дрожь в ногах. В сознании дрожь.
“Подожди! Отстань! Не трожь!”

“Как дела? Всё хорошо?”
“ Я свободен. Порошок?”

“А бригада? Нет, так нет!”
Солнце, где ты? Лунный свет...
Ночь ложится. Мрак струится.
Им не спится.

Горд пуст. Мигалки свет.
Занимается рассвет.

СЕРОЕ

Чуть начавшись, весна кончилась.
В серость грусти-тоски бросилась.
Тянет камень горяч в омут –
Омут неба. Ветра стонут.

Дождь прикинулся серой вуалью.
Луж зеркальность закрылась рябью.
Серых туч, словно плакальщиц лики
В чёрных платах... Не слышно криков.

Да и плач - лишь шуршанье листьев,
Серых, дряхлых, кропимых кистью
Не священника на отпевании.
Серой грусти и серой дряни.

Серой плесени, серых сомнений,
Серых пут для души велений.
Серой скуки и серой тени
Серой, серой скучающей лени.

ВЕСЕННЕЕ

Мелкий дождь танцует в луже,
в ритме вальса, разбивая
Вод зеркальность. Блики кружат,
пыль фантазии взбивая
В призрачный туман надежды
за решёткою дождя.
Вот бы сбросить все одежды,
пусть прохожие глядят.

Иглам струй лицо подставить.
В кровь стеклом изрезать ноги.
Ветром диким утираясь,
вновь пройти пути-дороги.
Пусть купель дождя омоет
тело мёртвое, немое.
Пусть глаза мои откроет.
Здравствуй, небо голубое!

Хоть ты в тучах и свинцово.
Хоть дождём туманным сеешь.
Я же вижу – ты живое.
Я же знаю – голубеешь.
Верю я – к тебе притронусь.
Тучи разгоню пинками.
Сам себе в душе откроюсь.
Клумбы засажу цветами.

Мелкий, светлый дождь весенний,
вальс танцует, в пыль взбивая
Вод зеркальность. Нет сомнений.
есть дорога. Пусть кривая!
Пусть с горы скользит в ущелье.
Пусть местами колея.
Страха больше нет! Веселье!
Я проснулся. Здравствуй, Я!

Ты звал её, и вот, она пришла.
Её оскал ты в зеркале узнал.
Провалом глаз, взглянув из-за угла,
Сказала: “Вот пришла! Меня ты звал?”

Раскрыть объятия, пасть на шею ей,
Молитву к небу, славя, вознести.
Всё это было б в логике вещей –
Она пришла! А ты её, взашей.

Ты звал её, но ты её не ждал.
Лишь лицемерил... И признав вину,
“Во искупленье” роль свою играл.
Ты не готов пойти живым ко дну.

Вины пусть камень тяжек и горюч.
А омут хладен и могильно тих.
И ты готов, казалось, вставить ключ,
Открыть безвестность. Оборвать свой стих.

Но нет! Не верь, не верь себе! Не верь!
Бессмертье душ лежит в земном пути.
И, чтоб открыть в свою безвестность дверь,
Свой путь земной приходится пройти.

А он всегда зовёт и вдаль влечёт.
За поворотом грезится Эдем.
Надежда солнцем из-за тучи бьёт
Желанья же твои важнее долга всем.

Ты не согласен? Снова слёзы льёшь.
Пойми, что выбор каждый сделал сам.
Рук не подставишь... Вместо не уйдёшь...
Но все мы, все, когда-то будем там.

